Люба смотрела в потолок и любовалась тоской. Какой-то негодяй влюбил ее в себя, подсунул Хайлеггера, а потом убежал, разбив сердце на мелкие осколочки.

Лымные лела

Она хотела пойти на работу – но тоска. Хотела увидеться с друзьями - но тоска. Легла и попыталась уснуть – но тоска. Надвое распилила стул, на котором этот негодяй сидел, - но тоска. Мама позвонила насчет их поездки в Тоскану - но тоска. И незачем, незачем из нее выбираться: и все черно-белое, и каждый предмет, стол, книжки, плюшевая альпака - всмотришься повнимательнее - уже заранее мертвое, слепленное из пепла, который почему-то с гордой ухмылочкой еще держится - как столбик ловко выкуренной сигареты.

Чтобы провалиться в эту глухую и иссущающую тоску до конца, Люба надела валенки – и на электричку. Дом был дедушкин, под Тарусой – рядом и Цветаева бывала (смотрела на Оку и, наверное, тоже тосковала). Траншеи тропок, мутные тучи

леса, замерзающая сопля, бесконечный сугроб-могила, печка, книжки – тоска! Дни вились белым маревом, стаптываясь в какое-то никуда, а Люба смотрела в окно, пила кофе,

ела гречку и спала за довольно дурной печкой

были – вонючие хиппари, скинхел, живущий с мамой. и несколько старообрядцев, – но все прятали носы по домам). Метель-метель, Хайдеггер, собаки. Метель-метель. Хайдеггер. Собаки. Довольно быстро Люба освоилась с деревенской

в компании метлы, на которой когла-то лумала улететь в Южную Америку (в давнем-давнем детстве...).

ко метель-метель, Хайдеггер и собаки (соседи-то

Скрипа валенок не было, как и людей, - толь-

тоской. Вот, сейчас, неторопливо себе колею до туалета накатает – и будет ходить по ней, пока снега не станет по горло. И доски пилить, каждый день пилить – и подбрасывать в печку: а потом немного жить и снова пилить, и еще пилить – и снова подбрасывать в эту печку, которая даже толком не греет (трещина шла наискось), - и потом идти спать на этом вечно сыром матрасе, и просыпаться среди ночи от холода, и до смерти топить эту печь – пока

рожа не оплывет, как свечка.

– Да будь проклят этот Хайдеггер, да будь проклята эта молодость! – вскричала она среди ночной тишины (и ни луны) – вдруг. Хайдеггера Люба сразу в печку и запихнула поглубже кочергой. А вот с молодостью сделать ничего не могла – ей было двадцать один, вместо этого

бросилась спать: и смотреть черно-белые сны, где она вроде бы ненадолго забывалась, отвлекалась, даже читала с кафедры какой-то доклад, и все ей роб). Люба поднялась, потерла простуженные кости, вытряхнула из турки кофейный налет, взяла зубную щетку и пошла к умывальнику - из крохотного зеркала на нее смотрела старуха. Ешки-барашки! – вскрикнула она, хотя вообще-то собиралась сматериться (но слова катились не те), и в ужасе присела.

хлопали, какая ты молодец! – но вот снова Тоска

с улыбочкой проходит на кухню, садится на табу-

ретку, и они молчат ночь напролет непонятно о чем. Проснулась она утром-утром (чего с ней не бы-

вало уж давно); пахло бабушкиными оладьями и ле-

карствами (деревенские пледы, деревенский гарде-

Так! Так! Спокойно! Может, это какой-то фокуспокус, а не зеркало?

Люба встала бесстрашно. Морщины, в которые можно редьку сажать, глумливые бородавки у левого края рта, волосы, белые, как молоко, сгорбившийся нос с клюкой – рука послушно двигалась в зеркале, ощупывая разруху. Сперва она, конечно, огорчилась: не прокатиться ей теперь на велике, не сходить подэнсить в клуб, не позаниматься йогой, не познакомиться с красивым мальчиком, не почитать книжку без очков, не забраться на Эверест – вся прошедшая жизнь свернулась в одну глумливую фигу. Но скоро в ее рассуждении обнаружилась и выгода: будут теперь

 А говорила мама, не морщи лоб, а то состаришься... – проворчала она и пошла обратно в комнату, все охая да подбочениваясь. В новых обстоятельствах ее вполне устроило бы

просто полежать на диване и посмотреть в окно (а

в метро место уступать, больше не надо суетиться,

ходить на йогу, в клуб, на свидания с красивыми мальчиками – еще и пенсия к тому же! (Но почему

так быстро? Почему?)

е-е-ей!..

то в спине стреляет), но она посмотрела на пустую турку, посмотрела на газовую плитку (портативную, неудобную) – и поняла, что кофию-то нетуть. Ну тут Люба (хотя уже не Люба, а Любовь Сергевна),

скрипя суставами и половицами, с мукой и жмурками, за полчаса, с Божьей помощью, оделась (сгодились бабкины вещи и трость с загогулиной - еще меховую шапку из какого-то буйвола нашла), бросила на зеркало взгляд – лубок ходячий – да на варикозных

Идти было восемь километров – и хоть бы кто подвез! Э, нет! - кому бабка бедная сдалась! А главное, дымочек-то теплится у всех - и рожи к стеклам поприлипли, сучье племя прохиндейское! А по та-

ногах своих пошла до сельпо потихоньку.

А сверху бестолково лыбилось морозное солнце. Зимой всегда так: только забудешь про солнце и вдруг явится. И небо такое голубое, что снег режет по глазам; и знаешь, что тепло только кажется, но все равно спину лучикам подставляешь... Даже укутанная, как капуста, сморщенная, как курага, Любовь Сергевна, выпутывающая ноги из снега все трудней и трудней, – и та подставляла. Да! Не сахар восемь километров пешкодрала! И дернул же ее черт на кофий подсесть!.. А дома огурцы незасоленные,

Чалилась она, несчастная, пыхтя, по ослепи-

тельной колее совсем одинешенька – дома и забо-

ры уже поредели, пошел вместо них лес. Вдруг -

горные даже). Рекламными голосами со всех сторон

век, почти растворившийся в дыму, - с сигаретой

в зубах, понурой физиономией, смуглыми глазами,

в футболке Radiohead. Было видно, что ему тяжело.

Любовь Сергевна смотрела, причмокивая, на си-

Мимо трусил бродячих цветов пес Алтай (чер-

нющий; это была какая-то поддельная овчарка). Он понюхал руку Любовь Сергевны и вместо того что-

бы проводить (как обычно делал со скуки), облаял

- Ну что за!.. Даже пес шкерится! Кудой это все

поднимает глаза, дух перевесть, и видит: чудо из чудес – автомагазин. Газелька, с навесом синим, в какую-то снежную обочину вжалась. И на боку Табак Открыто

и убежал в кусты.

котится...

Любовь Сергевна и вошла.

 $Bxo\partial ume$

сканворды нерешенные, ой-ой-ой!

Автомагазин весь состоял из табака: прилавок

был из картонных коробок, а стены наглухо обклеены пачками (и все «Данхилл», «Парламент», забу-

вопило: «Гангрена! Мучительная смерть! Мертворождение! Онкология!» Сигареты для бабушки?

На нее смотрел депрессивный молодой чело-

Это не было что-то конкретное – скорее, гравитация: тяжесть, с которой борешься каждый день.

- Я тебе не бабушка, - прошамкала Любовь Сергевна. – Мне кофе надо.

Кофе нет, уважаемая небабушка.

зый дым, обползший все помещение (и свет от лампы расходится ниточками):

– Ты чего такой курилка? Это вредно. Я специально. Сигарета — это маленькая

кому снегу пока дойдешь - состаришься вдвое, ох, смерть. Хотите? – Он протянул пачку «Галуаса», Но продавец уже поставил с телефона какую-то удивительно грустную, закрадывающуюся прямо под ребра песню гитара дергала точно те веревочки, от которых в душе не оставалось ничего, кроме сухой тоски - той самой тоски, которой хочется

из которой смотрелись рыжехвостые, даже как-то сладковатые сигареты. – Заграничные. – Табак черт придумал.

- Она постояла-постояла, но соблазнилась и прикурила от аккуратно щелкнувшей «зиппо»: дым, продирая, пробежался по легким.
- Вы присаживайтесь. Табачный искуситель
- освободил ей табуретку.
- Ну спасибо, сынок, уважил. Она затянулась, но неумело, как курят дети, и горько закашлялась. - А самое глупое, что мне только двадцать
 - Продавец посмотрел на нее пристально:
 - Бывает.

подавиться.

- Это тебе хорошо смерть в шею не дышит, вона и балуешься. – Она затушила сигарету в хрустальную пепельницу, но какое-то омерзение еще бегало на языке.
- Это только кажется. Смерть всегда в шею дышит, – ответил продавец флегматично. – Вы танцевать не пробовали?
- Что-что?
- Танцевать. Это молодит и душу, и тело.
- удивительно грустную, закрадывающуюся прямо под

Ха-а-а! Над старухой смеешься? А я не старуха! Но продавец уже поставил с телефона какую-то ребра песню – гитара дергала точно те веревочки, от которых в душе не оставалось ничего, кроме суLook into my eyes,

I'm not coming back.

давиться, – и прижигать окурки в руку.

ком-то отрешенном аутичном танце. Песня, ударив последним проигрышем, исчезла – Любовь Сергевна, не веря, смотрела на свои руки: они снова были гладкие, нежные и просто

Любовь Сергевна с удивлением заметила, что

нога начала притоптывать, тело принялось качаться – и вот она уже на ногах, дрыгает плечами в ка-

хой тоски - той самой тоски, которой хочется по-

лопались от молодости. Она зазвенела и завизжала: Сработало-о-о! – И подскочила продавцу прямо в объятье. - Спасибо вам!

Но уже через секунду в его руках снова была старуха. - Хм-м-м. Значит, все-таки есть привязка к месту. – Он стоял, сложив руку-пистолет у подбород-

ка. – Вы далеко живете? - Нет-нет, совсем нет! Метров пятьсот. - Тут она

вспомнила свою дорогу. – 0-ох... - Пойдемте.

Он накинул бушлат и надвинул шапку (все не

туша сигареты), Любовь Сергевна – робко – за ним. И хотя суставы пискляво молили о пощаде, под ногами снова заскрипели мороз и снега. - Меня зовут Сам. Как Сэм, только через «а», -

сказал продавец, отправляя на воздух очередной

цеппелин из дыма. – Я по деревням езжу и духов го-

няю. Вы, по всей видимости, прокляты. Я-то? – Любовь Сергевна не все слова могла до-

слышать (на такой-то скорости!). Похоже, поработала серьезная ведьма. Вы ни

с кем, случайно, не ссорились? – Да я говорила-то с вами первым за неделю.

Сам кивнул со знанием дела:

- Тоска? Ну да. Русская такая – просто эх! И ведь обо

час проходит, что никогда не пройдет... Я думаю, это у нас в природе - тосковать, потому что девять месяцев только сугробы и печка.

всем на свете: что не сбылось, что прошло, что сей-

- Так работает бес уныния, - веско бросил Сам. -

Потом приходит бес блуда и говорит: пошли, развеемся! Тут-то и ловит.

– Они у вас стратеги прям какие-то!

- Генералы.

Мимо пробегал Алтай (язык высунув кайфово) он вдруг замер и залаял на них злобно. Но тут же как бы забыл и побежал себе дальше.

гевна клюкой. Прошли ржавую калитку, поднялись по шатающимся ступенькам, отряхнули сапоги - и скорее в дом,

Тварь неблагодарная! – погрозила Любовь Сер-

в единственную комнату, которую (еще вчера та-

кая молодая) Люба топила. Сам продолжал курить и в доме, внимательно поджигая от одной сигареты

- Это тоже от духов? – прищурилась Любовь Сергевна. – Да. Они табак не любят.

Умно... Неряшливо обставленная, комната внимательно

обсмотрела гостей. Для начала надо проверить печку, – сказал

Сам, жуя сигарету.

следующую.

Зачем печку? – Любовь Сергевна плюхнулась на

охнувший диван. Иногда печники, с которыми обращались плохо, кладут кулек с проклятием. Или ртуть закладывают.

Кто печку делал? Молдаване какие-то... – Неправдоподобно, до очужения далекое, детство вдруг прыгнуло к ней

в голову. – Дешево? – раздалось дурманно-далеко.

– Очень дешево! Дедушка был жадина-говядина...

У вас есть кувалда?

Любовь Сергевна вяло указала на ящик с инструментами и ухнулась в воспоминания - как лежала на этом же диване, смотрела в потолок и качала пяткой... как молдаване хихикали на нее и звали замуж... как трещина выскочила в первую же неделю, и дедушка ужасно громко ругался, а Люба узнавала

Немножко посапывая, Любовь Сергевна встала, заварила чаю с мяткой и предложила гостю, но Сам был занят, он печь ломал (не забывая прикуривать одну от другой): и раз – и звяк – и раз –

и бряк! Довольно скоро от печки не осталось даже ровного места, из дымохода, торчавшего сверху, заныло прохладой, а в комнате стало очень накурено. Любовь Сергевна, сдерживая скепсис, накинула

 Не пойму, в чем дело… – Хрустя ботинком по крошкам, Сам почесал в затылке.

 Ну уж точно не в печке! – беззубо усмехнулась Любовь Сергевна. Но тут же с ужасной серьезностью

заглянула в чай. – Это все Хайдеггер.

– Что-что?

новые слова...

Да сожгла я. По дурости. Сам внимательно прищурился на Любовь Сергевну.

шаль и стала болтать ложкой в кружке.

А вы, случаем, никаких обрядов не совершали?

Гадали, может? – И еще закурил. - Xa! - C улыбкой воспоминания она уставилась

в густую чашку. – В детстве я ведьмой хотела стать, Булгакова начиталась. Вышла в лес, в полночь, и сожгла по бумажке с заклинанием на четыре сто-

роны света. Вот. – Ну значит, вы сами себя и заколдовали. Любовь Сергевна зябко поежилась на диване - ей начинало нравиться быть старушкой.

– И что тогда делать? – сказала она.

- Три раза повторите у зеркала: «Чтоб тебе молоду быть».

С удивительной готовностью он достал из кармана зеркальце и ей протянул. Любовь Сергевна

поймала в мелкое отражение свое лицо, уставилась в морщины и забормотала (как-то раскачивая сло-

 Чтоб тебе молоду быть... Чтоб тебе молоду быть... Чтоб тебе молоду быть – сучья ты стерва! И враз - морщины стянулись, впалости обросли

и хлопала в ладоши, как мартышка, которую все-таки взяли в цирк.

– Вы просто мой спаситель!

И она подлетела, хватая его в объятье, глядя глаза в глаза, готовая отблагодарить своего спа-

сителя поцелуем длинною в ночь - и тот уже приоткрыл разморенный страстью рот, но тут сигарета выпала и... У него вдруг стал свинячий нос, два небольших рожка (почти из затылка), зубы размером с забор и запах прокисшего чесночного соуса. Видя, что

румянцем, проплешины завились пышным локоном вся зацветая, Люба прыгала и скакала по дивану

дело обернулось в непоправимый швах, Сам шлепнул хвостом по лбу, закурил очередную и грустно пошел вон, оставив Любу у разбитой печки, дальше катиться по зимушке русской в своей табачной таратайке, околдовывая и расколдовывая тоскующих девиц в надежде на кое-какие благодарности.

Январь 2021 года

Вельмочка в снегах

Пес-Алтай-погуляй, пес-Алтай-не-болтай, пес-Алтай-все-про-все-знай! Про деревню, про сугробы, где хавчик достать, кто где ходит, с какой стороны мох, где можно пузико погреть, где помыться - все

......

знает, ага. Вот тут у нас люди мохнатые (почти как собаки), за речкой у нас люди цветастые (травой еще какой-то пахнут), вот здесь пустуют дома, тут ко-

ки, и такие вкусные валенки! От такой и Алтай с ума сойдет, ага. Уф-ф! Аф-аф! Чернющий какой! Тебя бы помыть... Калитка лязгнула – аж досюда дымом с шишкой пахнет. У них вообще кошки дома, но не слишком противные. Каши бы теперь, э-э-эх! – Сейчас, принесу тебе что-нибудь вкусненькое.

лодец. Ага — вот и Маруська по снегу чапает: домой

и прическа-луковка. Только грустная чего-то. –

Здравствуй, Алтай! – Красивая, как фуфырики,

с ведром идет – буль-буль-буль – обалденная...

Опять всех провожаешь?

Какой ты джентльмен!

Аф! Аф!

хать ее следы. У-у-у-у! Да это же каша! Кушай, кушай... – А сама подсела на корточки и растеклась щекой на кулачок. – Хорошо тебе, Алтай, никаких у тебя проблем нет...

Ушла, ускрипела. Алтай не скучает, можно поню-

У, какая каша! Вот это каша так каша! А у меня мама ведьма. Да там еще на миску налипло с прошлого раза. Ого! Это же кошачий корм!

– И бабушка ведьма. У нас все ведьмы. – Маруська сидит, такая красивая и обреченная. – Сегодня я тоже ведьма стану - без вариантов. Солнцестояние зимнее. – Ам-ам-ам!

А я не хочу быть ведьмой!
Маруська совсем

растеклась в ладони и расхныкалась. – А если не

соглашусь - мама из дому выгонит. Аф-аф-аф-уф! – Не хочу быть ведьмой. Вообще не хочу быть. –

Она лицо достает и грустной рукой дотрагивается до загривка, и эти руки – они о-бал-ден-ны-е!!! – Алтай-все-знай... Счастливчик ты чернявый...

Ну все, дальше побежал – авось еще где хавчик перепадет. Спасибо! Калитка лязг, и лапы в пляс! Так, ну тут эти цветастые, они мяса не едят,

с них просить неча. Смешной же язык этот человечий – все бубнят и бубнят. 0! Бобик, братик! Давно хвосты не нюхали!

 Αφ, αφ, αφ, αφ! $- \forall \phi - \forall \phi, \ \forall \phi - \forall \phi, \ \forall \phi, \ \forall \phi, \ \forall \phi!$ - Аф, яф, яф-аф-аф, аф!

Уф, фуф, фувыф, выф, ыф.

Покедова!

Аф, аф, аф! Ну ладно, я пошел, пока! Весь облез, совсем старик, а сам только на два

месяца старше... Это потому что с цветастыми во-

У нее ноги до неба, руки хваткие, как у мартыш-

- Про обряд? Ты что-то знаешь? Ну чего ты по полу катаешься? За ухом затрепала и посмотрела со своими глупыми глазами. Ну Маруська, ну как ты не понимаешь, тяпа ты такая!

беру.

– У тебя лапка болит?

Нет, надо поубедительней.

-Ay-ay-ay-ay-ay-ay-ay!!! – Ладно, пошли, только не лай. Сейчас рюкзак со-

У-у-у, вот побегаем! Солнце закатилось почти – красное, просто пчела! А Алтай пчел любит, она забавные и веселые – особенно когда улей перевернешь и бегаешь липкий, и они потом жужжат в паху.

Э! Ну долго она там? – Извини, Алтай, рюкзак найти не могла. Пошли. Это мы умеем! Нет, не сюда, а через лес — тут мы с братишками дорогу набегали. В снег только не

падай, а то шерсть намочишь, ага. - Ты знаешь, что ты на черного пуделя похож, Ал-

А тут уже старина Боб пасется.

пает со своим рюкзаком: э, кабы не завязла! – Во

обступает кто-то - с головами как видюшники для

тай? Или на овчарку? И хвост замусленный такой!

дится и молоко одно хлещет. Э, жисть! Еще террито-

рию пометить надо успеть... Так. Стопэ. Почему Ал-

тай сам не допетрил до этого? Назад-назад-назад!

Но как он ей объяснит? Оп – а тут у нас в заборе

Алтай, хитрая жопка! Я же тебя покормила. Фу!

дырень, ага. И дверка открытая...

- Ты что-то хочешь сказать?

Не надо на кровать!

Аф-аф! Уф-уф!

Аф-уф!

Сама замусленная! Алтай-все-знай, Алтай-погуляй! Так, так, этот куст пометил Фуфик. Так. Так.

– Знаешь, Алтай. Я сон сегодня видела. – И шле-

сне этом наш дом весь разваливается... как будто корабль в воде долго простоял: разлагающаяся ракушка такая или песок гниющий... И что он всегда

такой на самом деле был.

Аф! Аф! Уф! – И там женщины голые были, у каждой по вед-

ру между ног... И они собираются пить кровь, но их

кассет: видел, у дедушки стоит три штуки? Вот, и эти с головами-видиками обступают мою маму, а она там главная смотрела, - видики с голов скру-

чивают и бьют ее - до смерти бьют, а потом разбе-

гаются, как на звонок. И деревья из леса как бы все выдергиваются.

Аф-аф-аф-аф!

руська, не доверяет, значится. – Уже темно, Алтай! Где мы? Да, а вот тут переправа, кстати. Надо только... А. – Маруська очень стройная и медленная пошла. – Пограничники... Коты – ровно девять штук – перегородили со своими партизанами бревно для переправы. И драные

Блин... Я уже рассказываю свои сны собакам...

успеем высохнуть. Темно тебе, Маруська? А Алтай

и так умеет – правда, все серое, но для краски есть

нюх. Алтай-нюх-нюх, Алтай-все-видать — даже жопку

Алтай, куда ты меня ведешь? – Озирается Ма-

ежика.

Балда! Там ручей незамерзший! Ну да ладно, еще

можно было разбойников обойти, а теперь все отходы разъели. Мр-мяу! – один из них, рыжий, с серьгой и египетским загаром, говорит.

же, сукины дети! Раньше хоть речка промерзала,

Паршиво, что Алтай по-ихнему не знает. Аф-аф-аф-аф, – им отвечает.

Те мяучат, Алтай лает – еще вороны слетелись поворчать для полного концерту.

 Ты погоди. – Маруська в рюкзак руку запустила. – Не бойтесь, мы не вредные. Держите!

И кидает им рыбину отменную. Даже Алтай бы не отказался! Но не тут-то – коты на рыбу глаза вытопырили, с презрением эдак - они, дескать, серьезные коты и аристократы, а не шантрапа какая-то.

 М-м-мяю! – Их атаман покривился ноздрей. Алтай, конечно, не растерялся и рыбку давай сам точить. Ну а тут Маруська в рюкзак и за ножик, что с кухни стибрила, возьмись. Алтай не даст! Алтай аф-аф-аф! А эта балда себе по ладошке – и нож

с кровью, хвастливо так, этим безобразникам тянет, как билетик. Хвосты попрятав, в усы подув, коты от этой выходки разошлись с трусливыми носами. Алтаю рыб-

ну, этим сукиным детям языки показывал, ага.

ки, конечно, было жаль, но зато, пока шел по брев-На той стороне Маруська даже на корточки села

и за шею взяла, в глаза прям говорит: Алтай, тут ведь кончается мамин лес?

 Аф! Аф! Тут же может быть опасно?

Аф! Аф!

Вся нехотя вздохнув, она встала и посмотрела туда и сюда. Потом на дерево – усталое такое – уставилась и застыла, сама как дерево. Алтай за

же! Фу – человеком пропах... А Ира за лапу Маруську хвать – и полетели, что ворона твоя, ага. Выставив руку, голая Ира летела, а Маруська с Алтаем болтались хвостом. Летели не по лесу,

не под лесом и не над, а как-то сквозь. Ветки хлещут - знакомые кроты - промерзшая земля - дуб какой-то - дупло светится как костер - дверь от-

шей: только жирные черные змейки, а на земле

летает. Прямо в яму и влетели.

Никого в дубовой этой яме не было, даже мы-

ухом почесал и дальше смотреть, ага. А Маруська расслабилась вся и с лесом начала дышать - и вся Иногда я и город навещаю, – улыбнулась эта Ира – Да мама... сказала в обряде участвовать, а я не

заизвивалась: деревья в черном любопытно обсту-

пили ее, а она давай танцевать, мама не горюй!

И ветки на нее смотрят, довольные, и обнимают,

а у нее руки листьями покрываются, и жучками, и бабочками, – а Алтай давай скулить и не пони-

Ветер по макушкам дунул мощный, деревья ох-

нули и поклонились - они у нас о-го-го старички:

а повыше - из-за бледного тумана подглядывает

подлая луна, и сосны от ветра закачались, поклоны раздавая, и запах странный поднялся: очень нехо-

И впрямь – тише стало, даже ветер не двигается.

Из-за плоских веток – как будто бы его кусочком

была, – выходит голая, с грудями и кустиком под

животом: длинные волосы, светлые, на иву похожие:

запно зачем-то остановилась на половине пути. -

Ирочка! – Маруська тюкнулась к ней, но вне-

мать, и не знать, совсем-совсем не знать, угу!

роший, как селедка в слюнях вся.

бледно-голая, на белом-белом снегу.

Так ты же в город уехала, нет?

- Ay-ay-ay-ay, a∳!

– Тише.

хищная капельку. – А ты что тут забыла, сестричка?

хочу! Я в университет учиться хочу, а не вот эти вот полеты на метле и заговоры... У Иры – Алтай все разглядел – было текучее ка-

кое-то лицо, как мертвая ракушка: и глаза белые, и ноги – глыбы. Ира подошла и протянула Маруське лапу. Такую тонкую и когтястую лапу Алтай нико-

 А этот кто? – Ира глянула на Алтая, как самая старшая утка здесь.

– Это Алтай, он меня привел сюда.

– Ишь, черненький какой. Привел! На ту сторону,

А эта Ира не только голая, но и мудрая! Бывает, Алтай батрачит, да.

небось, водишь?

гда-никогда бы не взял, нет!

– Ладно. – Ира погладила небрежно. – Пусть с нами будет. Хватай его.

Ай-ай-ай! Алтая нельзя на руки – испачкаете

В удачный момент Алтай разжал зубы: они летели повыше мутных облаков, прямо под фиолетовой простыней – пульнуло их как следует. Вблизи луна уже не казалась такой бандиткой: она протягивала свои лучи голая, бездымная, – приглашая на раут в высшем собачьем обществе, но их уже потянуло вниз, как будто они налопались каши – вниз, к сугробам и непонятностям — вниз.

беседовать с китайскими собаками-беженцами странные собаки; и еще они очень плохо играют в карты). Что это такое? – Маруська поставила Алтая на

маргивает, как хитрый китаец (Алтаю доводилось

место. – Сервер. – Ира похлопала коробку как что-то

живое. – Здесь спасение наше.

- От кого?

ется, я?

 От мамы. – Ира, вся растекаясь и болтаясь, как сопля в речке, заходила ходуном. – Я еще в детстве подумала: дом, школа, скрипка, ведьмовство - если это все от мамы, навязано мамой, то где, получа-

Ты зря на нее сердишься...

Сказала избалованная младшенькая!...

 Ну хватит уже. Я не понимаю, при чем тут сервер? - Это замена клану мамы и остальным кланам. Киберведьмы.

Маруська помолчала минутку и почесала за ухом:

– А это... не перебор?

– А по-твоему, лучше домохозяечкой или так по кланам и бегать? Проекции, как видишь, у нас очень приличные - ты даже не догадалась, что меня оци-

фровали. – А по-другому нельзя?

— A♠! A♠!

Стоят, болтают – одна с луковкой на голове, другая с ивой на голове, - а главного-то не замечают, что все затряслось, заходило, и засыпало, и зарычало!..

Мамочки!.. – Ира накрыла рот, полный ужаса.

– Но это же вроде не ее лес?

– Мы аренду забыли продлить... Так, приготовься,

будем колдовать.

- Будем - что? Потолок как-то весь съело, и тело, голое, как

ямы - появилось лицо: ужаснозубая, с волосамигоргонами и какими-то яблоками вместо скул, да еще и голос такой, что только прятаться: ОПЯТЬ КУРОЛЕСИШЬ! А НУ! Алтай перетрухнул мальца и наделал, но тут же зарыл в землю, ага.

луна, показалось - но не целиком, нет, влез только кусочек, - такое огромное! И даже не просто

кусочек, а гигантская грудь с соском, размером

с мяч футбольный (Алтай, на него глядя, припомнил детство, съежился и заскулил). А грудь уплыла из

Что это? – Маруська заметила, Маруська моло-

А та дым какой-то в головы запустила – и мысли огромная железная коробка жужжит и синим посразу душные: типа – да хорошая мама, ну размером

с многоэтажку, ну и ладно. Алтай-то-все-про-все-

знай, но этот дым дурацкий... Ира, дыма не выдержав, свои колдовства бросила, запрыгнула маме в рот, за зубища эти, и укрылась языком как одеялом.

— ТЕПЕРЬ ТЫ, МАРУСЯ!

– Мама! Я не маленькая! – сказала Маруська, как

маленькая. И ветер со всех сторон такой ух, и какое-то головокружение, и все вдруг бледное, как смерть, -

и мама эта ручищу пытается запустить, Маруську ловить, но рука большая, и лицо сунуть некуда, хватать приходится наобум. А Алтай с Маруськой кругом мотыляются (коробка с сервером просто ка-

тается по углам), и Маруська еще дразнится, балда: – Я! Не буду! Ведьмой! Мама рассмеялась и растрясла всю яму этим хохотом (и вся земля с ней вместе - о-хо-хо! о-хо-

смотреть, но промахнулась и попала грудью. – Аф! Аф! – И дернуть Маруськину штанину.

хо-хо!). А потом она убрала руку и сунула глаз по-

– Что такое, Алтай?

 Αφ-φ, αφ-αφ-αφ! Алтай собакой поклялся бы, что Маруська на се-

кунду стала понимать по-собачьи. Она сделала, как Алтай и сказал: уцепилась ему в хвост и подняла над головой повыше, а уже там, наверху, Алтай от души куснул этот непомерный сосок, ага.

– А-А-А-А-А-А-А!– завопило все вместе с этим соском и с этой грудью (способной и прибить) – Ал-

тай и Маруська полетели наверх. В удачный момент Алтай разжал зубы: они летели повыше мутных облаков, прямо под фиолетовой

простыней – пульнуло их как следует. Вблизи луна уже не казалась такой бандиткой: она протягивала свои лучи – голая, бездымная, – приглашая на раут в высшем собачьем обществе, но их уже потянуло вниз, как будто они налопались каши - вниз, к сугробам и непонятностям - вниз.

 Алта-а-а-а-ай! – Маруська закричала, но хвоста не отпустила.

Луна мельче-мельче, ехидная – ветки застучали по спинам и бокам – бух! – сугроб. Маруська лежала распластанная, с Алтаем за хвост (у которого, если что, хвост чуть не оторвался!), и смотрела, как ее обступают костлявые старикашки-деревья - умиленные, как над люлькой.

- Ай-ай-аф! Аф-аф!
- Куда ты меня тащишь, Алтай? Я устала. Я потеряла рюкзак. Я рассорилась с мамой. Эй! Не кусайся! Наконец-то встала! Да тут недалеко уже! И красотень какая – нетронутые сугробы, сказочные елки

в пуховиках из снега... Дальше без тропинки, но уж

это извиняйте! Ветки пригибай, в глаз не залепляй! Интересно, а чей это лес?

- Пока ничей хочешь, твой будет.
- Алтай! Ты научился говорить?
- Просто ты научилась меня понимать. Вон эта опушка – ага, где лисицыны следы: тут

по кромочке... Здесь щенками базу делали, тут купаться ходили, или нет - нет, не это дерево, слишком жирное; нет, не это, — слишком сухое. Ага. Ага. Тут. И посидеть еще можно, отдышаться – уф! Куда ты меня привел, Алтай? – Маруська подсе-

- ла на корточки как настоящая собака.
- Могилка мамкина. Мы с братишками сделали. Где три бревна треугольником, видишь?
- Маруська, обхватив коленки, уважила и помолчала:
 - А сколько вас?
- Было восемь, но двое откинулись. Еще один на Кавказ ушел, юга смотреть. Осталось пять.
 - Понятно.

Так Маруська посидела немного и вдруг начала плакать. Алтай ее, конечно, давай утешать, морду лизать, плечико покусывать, а Маруська его отпихнула и прямо в землю рыдать. Долго плакала, скулила и задыхалась, пока не проплакала сугроб насквозь. И как подняла лицо – так увидела, что в кружочке этом вырос нежный фиолетовый цветочек. Больше Алтай Маруську не видал – он на восток

подался, но братишки и левые собаки (а они ужасные болтуны) передавали, что в город она все-таки переехала и даже поступила в институт (что-то там связанное с экологией). А летом - поехала к маме, уже как гостья, чай с сушками пить, и очень смеялась, когда увидела, что на холодильнике жужжит какая-то коробка - светится синим и щурится по-китайски. Февраль 2021 года

